

Илона Игоревна Гоменюк

Мой любимый солдат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21130164

Аннотация

Москва. Начало 1941 года. Семнадцатилетняя Таня Иванченко добровольно становится медсестрой на фронте. За короткий срок этой юной красавице приходится пережить дружбу и предательство, любовь и ненависть, а также окунуться в страшную военную тайну. Что станет с жизнью Тани, если однажды она поможет своему врагу?

«Мой любимый солдат»

Liebe ist wie ein Krieg: leicht zu beginnen, schwer zu beenden.
Lernt das Leben zu genießen. Leiden lehrt es euch.

Любовь похожа на войну – легко начать, но трудно остановить. Учиться наслаждаться жизнью. Страдать, она научит сама.

«Я в день войны – не знала места,
Не знала сколько проживу,
В твоём плену я без протеста,
Тобой я очень дорожу»

«Я в день войны – собрал все силы,
Холодный взгляд, манера жеста,
Но ты мне сердце подарила,
Теперь, ты лишь моя – невеста!»

ГЛАВА I

Первые лучи солнца пробивались сквозь почерневшие окна, полуразрушенных зданий. Крики детей не прекращались всю ночь. Одни в страхе и ужасе, наблюдали за тем, как серое дымовое облако струилось из соседней пожарной станции, другие же плакали от того, что их старшие братья и сёстры добровольно уходят на фронт. С каждым днём число молодых, отважных ребят возрастало. Нет, им совершенно не хотелось покидать родное гнёздышко, рискуя остаться без самого дорогого, что у них есть – жизни; однако другого выбора у них просто не было. Вот уже несколько месяцев длились военные действия со стороны немецко-фашистских захватчиков. Каждый день мирных жителей, начинался с молитв и заканчивался тем же. Матери и отцы молились за здоровье своих сыновей, за то, чтобы, развернувшаяся война не забрала их с собой. Среди тех, кто тихо плакал по ночам находились и те, кто зажигал свечи за упокой души ближнего. Вот и Зинаида Ивановна, склонившись перед старенькой обгоревшей иконой, молилась о том, чтобы её сын Никита вернулся домой как можно скорее. Не успев поступить на военную службу в начале 1941 года, он стал одним из тех,

кого принудительно забрали воевать. Гордое звание – защищать свою родину, несли тысячи русских солдат, и только тогда, когда первые сотни пали на поле боя, их семьи по-настоящему ужаснулись. Зинаида Ивановна, помнится, была в полной растерянности, когда ей сообщили о Никитином призыве, но поделаться с этим она ничего не могла. Он единственный защитник их маленькой семьи. Уходя на фронт, он обещал ей писать короткие душевные письма, и он действительно выполнял своё обещание. Как и любая мать, Зинаида Ивановна до беспамятства скучала и переживала за своего ребёнка. Она ждала его скорейшего возвращения, а для того, чтобы время проходило незаметнее, пожилая женщина собрала всю волю в кулак и решила вести собственную службу, но не просто военную, а медицинскую. По образованию она была врачом, но рано вышла на пенсию, по причине собственных проблем со здоровьем, однако в тяжёлое для Москвы время, когда на каждом углу то и дело – раненный или погибший, врачей и медсестер катастрофически не хватало. Старая приятельница Зинаиды Ивановны – профессор из медицинского училища, направляла к ней юных девушек-добровольцев, которые соглашались работать на благо своей родины. Вот уже целых три месяца, семнадцатилетние красавицы бегали в солдатских сапогах с санитарными сумками в руке. Юные медсёстры разделяли все тяготы, выпавшие на долю пехоты. Под обстрелами они перевязывали раненных и вытаскивали их из боя, а командование вела всё та

же седовласая женщина с голубыми глазами, маленького роста и хрупкого телосложения, уважаемая и любимая своими девочками – Зинаида Ивановна, ставшая для них второй, а то и единственной мамой.

Сегодняшнее утро можно было назвать затишьем, т.к. на часах давным-давно пробил седьмой час, а по близости не слышно было ни одного выстрела пулемётчиков. Медицинская часть находилась неподалёку от перекрёстка, который выводил на проезжую часть, соединяющую Москву с посёлком Марьино. Эта дорога была перекрыта двумя огромными танками, которые были видны из полуразбитого окна в кабинете Зинаиды Ивановны. Проснувшись рано утром, она стала переливать зелёнку по маленьким баночкам, чтобы раздать их своим девочкам, которые привыкли обрабатывать раны на скорую руку. Стук в дверь отвлёк её от этого занятия, и она перевела свой взгляд на распахнувшуюся дверь.

– Доброе утро, Зинаида Ивановна. Разрешите войти?

В комнату, словно вихрь, ворвалась рыжеволосая девчушка, которая слегка картавила, но при этом всегда выглядела серьёзной.

– Доброе утро, товарищ Фролова. Разрешаю.

– Сегодня на повестке дня – три интересующих нас вопроса. Разрешите доложить обстоятельства?

– Докладывай, Шура! Только скорее, война не любит мало расторопных.

– Сегодня с утра товарищ Жукова получила письмо от

возлюбленного, в котором ясно было сказано, что их стрелковая дивизия потерпела поражение, двенадцать солдат доставлены в ближайший госпиталь, остальные же просят прислать девочек из нашей санитарной дружины. Даёте распоряжение о срочной доставке, тяжело раненных?

– Так точно! Берись за это дело, как можно скорее.

– Будет сделано. Так же вторым вопросом является отсутствие ножниц в наших рабочих сумках, а также острая нехватка лечебной зелёнки.

– Возьми её со стола, это всё для вас.

– Выражаю всеобщую благодарность. И ещё... Зинаида Ивановна, пришла какая-то девочка, настаивает, чтобы мы взяли её к себе медсестрой. Говорит, мол людей лечить хочет, солдатам помогать. С ней, что делать прикажете?

– Девочка говоришь? Веди её ко мне, а сами собирайтесь и прямиком спасать стрелковую дивизию.

– Спешу выполнять!

Шура Фролова, как ошпаренная выбежала из маленького кабинета, по коридору ещё долго отдавались эхом звуки её шагов. Зинаида Ивановна прокручивала в голове содержание, только-что случившегося разговора. Ей хотелось лишь одного, чтобы Шурочка со всем справилась и девочки непременно вернулись обратно. Размышляя об этом, время пробежало незаметно и из коридора вновь раздались шаги, возвращающейся назад Шуры. Старая коричневая дверь заново распахнулась с ещё большим скрипом, запыхавшаяся Шура

держала за рукав хрупкую белолицую девушку.

– Бегите, Фролова, бегите! – Спокойным тоном проговорила Зинаида Ивановна, а сама подозвала незнакомку к себе поближе.

Та, робко, провела языком по обсохшим губам и сделала два шага вперёд.

– Здравствуйте! Меня зовут Таня! Таня Иванченко. Я воспитывалась в детском доме «Огонёк», а сейчас настало время покинуть это место, ведь я стала совсем взрослой. Я люблю свою родину, готова защищать не только Москву, но и весь Советский Союз. Я слышала от стариков о Вашей санитарной дружине и решила, что тоже хочу быть медсестрой. Всё!

Решительно закончив свою речь, Таня перевела дыхание и опустила глаза в пол, а Зинаида Ивановна тем временем осматривала девочку с ног до головы. Перед ней стояла стройная девчушка, невысокого роста с длинными густыми волосами. Они были заплетены в толстую косу, а светло-коричневая прядь выпадала из неё и опускалась на её открытые плечи. Силуэт её круглых бёдер и тонкой талии прикрывало лёгкое ситцевое платье, нежно-голубого цвета. Лицо у неё было белое-белое, на его фоне выразительные карие глаза становились ещё больше и ярче. Ровные зубы от волнения покусывали нижнюю губу алого цвета. Всё в ней было прекрасно, ничего не настораживало, а её желание стать медсестрой только усиливало положительное первое впечат-

ление. Без раздумий, Зинаида Ивановна поднялась со стула и с лёгкой улыбкой произнесла:

– Меня зовут Широкова Зинаида Ивановна. Добро пожаловать в клуб юных и отважных, Таня!

Таня во весь рот улыбнулась своей новоиспечённой наставнице, и совершенно забыв, что добровольно уходит на войну, прошептала тихое «Ура!». С первой же минуты она получила задание отправится в ближайший лес и просидеть там в засаде вместе с остальными девочками. Таня надела специальную одежду и засучив рукава побежала выполнять задание. Таких отважных было мало. Её смелость и патриотизм читался в глубоких бездонных глазах. Такие нужны были не только Зинаиде Ивановне, но и всему Союзу.

Московские командиры и солдаты имели боевую готовность, каждая секунда жизни была у них на счету. Планировались крупные и малые военные операции, которые не оставили бы врагу ни малейшего шанса на победу. Тем временем у главных ворот Касселя собрались танковые войска. Полковник Вигман отдал приказ молодым солдатам ждать до полудня для того, чтобы направиться в Ленинград. Перед ними была поставлена задача разгромить городской комитет, тем самым принудительно заставить работников, передать местную власть в руки немецкого подразделения. Вигман был убеждён, что новые боеприпасы дадут танкистам возможность уничтожить всё неблагоприятное на их пути, а

сам же полковник с толстой зелёной папкой, направился в частное укрытие генерала целой военной артиллерии, с целью доклада обстоятельств в Касселе.

– Guten Morgen, Herr Erkert. (Доброе утро, Херр Эркерт.)

Генерал сидел на тёмно-коричневом диване, застеленном белой простынёй. Рядом с ним стоял маленький стол со скошенными углами, на котором были размещены детские рисунки, цветные и радужные. Они были принесены в дом из детского сада, который ещё неделю назад находился неподалёку от этого места. Детского сада не стало в тот момент, когда украинская воздушная дивизия сбросила на него четырнадцать гранат. Силой удара разорвало всех и всё, что было внутри. Истинное счастье, ведь все взрывы пришлось на ночное время, когда в саду находились лишь сторож и двое нянечек. Ни один из детей не погиб, однако мысль о том, что трёхлетняя внучка, которая обучалась в этом же саду, могла погибнуть, не давала покоя Эркерту. Он возненавидел воздушную авиацию всего Советского Союза с ещё большей силой, и жаждал отомстить – убить, подорвать, уничтожить всех солдат советской армии, не подозревая того, что сброшенные гранаты в районе детского сада – дело рук далеко ни их оппонентов. Русский вертолёт, державший курс к Берлину был захвачен немцами. Схватка на борту привела к последующему исходу, но изначально этого не предполагала. Тем не менее, херр Эркерт продолжал гладить ладонью смятый, почерневшей рисунок внучки, при этом глядя в глаза,

вошедшему Вигману.

– Guten Morgen! Abreise in Leningrad mit der am meisten großen Armee ab (Приветствую, херр Вигман! Немедленно направляйся в Ленинград с самой большой армией, что есть)

Злобно произнеся это, генерал смял рисунок в руке и зашвырнул его под стоящий напротив шкаф. Его чёрные, глубокие глаза наполнились злостью. Он провёл толстым указательным пальцем по тёмно-коричневым усам и глубоко вздохнул.

– Ich möchte berichten, dass wir nicht genug Soldaten haben. (Я сообщаю Вам о том, что у нас недостаточно солдат) – Решительно, но в то же время, взволнованно произнёс Вигман.

– Was Sie gesagt haben? (Что Вы сказали?)

Херр Эркерт ударил кулаком по столу и подскочил с дивана. Его злость была непередаваемой. Минуты три он передвигался по узкой комнате с лева на право, затем зажёл толстую сигару и принялся её курить. Курение частенько успокаивало его нервы, однако в этот раз на это понадобилось более десяти минут.

– Sofort sammeln Sie alle Jungen, die es gibt achtzehn Jahren. (Немедленно собрать всех мальчиков, которым есть восемнадцать лет)

– Alle auf die Front zu ergreifen? (Забирать всех на фронт?)

– Ja – ja! Und danach – allen auf seinem Weg zu zerstören. (Да-да! А после этого – уничтожать всё на своём пути)

– Es gemacht wird! (Будет сделано!)

Вигман выбежал из дома генерала во двор, где его уже ждала машина. Тонкая дверь серого автомобиля распахнулась, и он сел на удобное сидение. Сквозь собственные мысли о том, как собрать новобранцев, Вигман слышал выстрелы из автоматов, которые стреляли в районе четырёх километров от него. Не щадящая никого война, ставила под угрозу жизненную карьеру полковника. Военная служба с юных лет приносила ему немалый доход и большие перспективы. Вот уже восемь с лишним лет, он лелеет мечту о повышении до самого генерала, но сдвинуть Эркерта с места, пожалуй, сможет лишь смерть, которую давно желал ему Маркус Вигман. Тем временем, как его четырёхколёсный друг, двигался в известном ему направлении, Маркус рождал совершенно новую, гениальную идею. Его озарила мысль о том, что, собрав всех юных парней из спортивной школы и отправив их на фронт, его военнослужащие коллеги станут уважать и прислушиваться к нему ещё больше, а всеми любимый Херр Эрkert, трагически погибший на войне, невольно освободит ему свою должность. Вигман, погружившийся во сладкие мечтания о дальнейшей судьбе, не заметил того, как прибыл по первому адресу, где проживал один из учеников спортивной школы Касселя. Его автомобиль остановился у маленького одноэтажного дома, вокруг которого цвели розы. Забор был старым, некрашеным, калитка скрипела так, будто неопытный музыкант впервые взял в руки инструмент. Обшарпанная дверь держалась на двух крючках, а

ступеньки, ведущие к порогу, были скошены набок. Из всех стоящих домов на этой улице, дом семьи Ремер был самым уцелевшим. Причиной разрухи стала местность, ведь именно неподалёку от этой улицы находилась первая военная база воздушной авиации. Ежедневные учения немецких солдат в начале многих военных операций, проходили именно здесь. Дома потеряли жилой вид, а их жители не высовывали свои носы, чтобы лишний раз не подвергать свою жизнь опасности. Вигман знал главу семейства Ремеров. Эти люди были сильны духом, воинственны и целеустремлены, а это давало Вигману повод думать о том, что своего единственного сына Эриха, Ремеры воспитали так же. Именно поэтому этот адрес стал первым в его списке. Постучав в низкое переднее окно, полковник сделал глубокий вдох и замер. Через долю секунд дверь отворилась и на тёмном пороге появился молодой юноша с большими, голубыми глазами. Его стан был сильным и грациозным. Сквозь нательную рубашку были видны его сильные мускулы и широкие плечи. Черты лица у него были милостивые, такие как он, всегда нравятся женщинам. Светлую кожу его лба, прикрывала прядь тёмных волос. Выразительные, пухлые губы прошептали, что-то невнятное и не успев осознать, кто нанёс ему визит, юноша услышал ярую фразу.

– Dir genießen militärische Form! (Тебе понравится военная форма!)

Ухмылка на лице Вигмана не могла остаться незамечен-

ной. Он определил для себя, что удачно посетил дом Ремеров, ведь их возмужавший сын легко может стать тем самым бессердечным солдатом, который с лёгкостью будет выполнять боевые стратегии всей Германии.

ГЛАВА II

Голубое небо с пушистыми, белыми облаками давно перестало быть голубым. Его чистоту очернили взрывы дымовых шашек, вечная стрельба и серый густой дым, извивающийся над разрушенными зданиями. Сама атмосфера боя, не давала покоя ни одной живой душе. Да-да, именно живой, ведь за долгие мучительные месяцы, погибло множество невинных людей, которые под натиском городских властей, обязывались воевать против жестоких немцев. Германия атаковывала города всё сильнее и сильнее. Запускались ракеты, поджигались дороги, всё было сделано для того, чтобы не оставить людям выбора. К концу 1941 года было катастрофически много беженцев. Одни пытались скрыться, уйти от своего долга – сражаться, защищая свою родину, другие же бежали куда глаза глядят, лишь бы сберечь себя и свою жизнь. Любимое всеми лето, долгожданное, но такое несчастливое, подходило к концу. Близилась осень и её золотой сентябрь. Разруха, настигнувшая русские города и сёла, не знала границ. Женщин и детей прятали в подвалах, носили им воду и хлеб, а они в свою очередь молились, прося Господа Бога о скорейшем завершении войны. Каждый день погибали тол-

пы людей, оставляя за собой кровавые отпечатки в сердцах своих родных и близких. Медицинские дружины не успевали вытаскивать раненных из окопов. Они помогали им изо всех сил. Хрупкие девушки несли на себе семьдесят, а то и восемьдесят килограмм живого тела, а пользы от этого было мало. Улицу Калиновскую, Саратовского района, местные прозвали – «Труповой», поскольку именно на ней, за последнюю неделю, похоронили девятнадцать солдат и восемь детей. Пройдясь по узенькой дорожке, слёзы так и льются ручьём. Под каждым кустом – ямка, а в ней холодное, окровавленное тело героя, который спасал свою родину. Около маленьких, детских могил сердце невольно замирало. Никто не был виноват в политическом конфликте двух государств, однако страдали именно люди и погибали они, один за другим. Пока жители оплакивали друг друга и совершенствовали свои боевые навыки, в Берлине строились планы, предполагаемых операций, которые должны были сломить СССР в два счёта. Верховный главнокомандующий вооружёнными силами Германии – Адольф Гитлер, решил сосредоточить все силы на главном направлении – на Москву. Собрав самую лучшую армию, Гитлер поставил перед собой задачу наступать на советскую столицу, не щадя при этом никого. Его страшная операция получила кодовое название «Тайфун». С помощью неё планировалось прорвать оборону советских войск ударами трёх мощных группировок, а затем пехотой наступать на Москву с запада, а танковыми соединениями

и механизированными частями — обойти город с севера и юга; окружить и разрушить советскую столицу. Но всё запланированное, действовало по принципу отвлекающего манёвра. Для желаемого результата было необходимо отступить на время от Московских ворот, тем самым нанести атаку внезапно. Операция «Тайфун» предполагала своё начало на конец сентября— середину октября, а тем временем в главной битве за столицу, собирались участвовать стрелковая, танковая и воздушная дивизия, двенадцать батальонов с самыми сильными и беспощадными ротами. Все они были собраны из сильнейших городов, а это означало лишь одно, что пока Москва горько спала, к её вратам медленно, но верно направлялись немцы из Берлина, Касселя и Нюрнберга.

В тёмном подвале, заброшенного продуктового склада, было очень сыро и темно. Маленькое окошко пропускало через себя короткие лучи света, которые преломлялись о стену. Таня лежала под подоконником и слушала собственное сердцебиение. Его удары были громкими и ритмичными, словно наигрывали музыку. Частенько в свободное время, когда она находилась в укрытии, Таня думала о смерти. О том, как война забирает самых дорогих нам людей, а взамен не даёт ничего. Впервые за всю свою жизнь, она по-настоящему радовалась тому, что является сиротой, ведь тогда ей совершенно не придётся бояться войны, терять то ей некого. Однообразные мысли гудели сиреной в её голове, а рядом с ней шепта-

лись девчонки из дружины, с которыми она работает бок о бок уже второй месяц. Время летело незаметно, но несмотря на суровые будни, девочки жили своей жизнью, стараясь сохранить её не только себе, но и другим людям.

– А о чём каждая из вас мечтает?

Тихим голосом прошептала Аня Петрова. Среди всех она была самой романтической, мечтательной и нежной. Иногда Тане казалось, что в прошлой жизни, Аня была зверьком. Мягким, пушистым, с большими глазами и добрым сердцем.

– Я, например, мечтаю о том, чтобы стать врачом и построить собственную больницу.

Робко и искренне шепнула Катя, которая лежала рядом с Таней и невольно слушала её стуки сердца.

– А я хочу, чтобы у меня было четверо детей и мы жили с ними на берегу большого озера.

Перебила её Оля Жукова.

– Ничего себе, товарищ Жукова, какие у вас запросы! А одного ребёночка родить – уже никак?

Ироничная улыбка на лице Шуры Фроловой была видна даже сквозь сумрак. Шура всегда отличалась от других девочек, ведь именно в ней были собраны самые сильные душевные качества. Романтизм и любовь были чужды для неё, но каждая из девочек понимала, что какой бы она не казалась, в душе Шура – надёжный друг и верный товарищ.

– А ты чего молчишь, Таня?

– А я... Я ни о чём не мечтаю. Просто живу и надеюсь на

то, что когда-нибудь узнаю, что означает настоящее счастье.
— Наивная ты! Какое же тут счастье?

Все начали спорить и галдеть о смысле жизни, о важности счастья и о том, что оно вообще значит, а Таня молча отвернулась в сторону и стала усыпать под шум женских голосов. Ей снилось море. Синее-синее, с большими, высокими волнами. То самое море, которого она никогда не видела.

Рассветало. Через тонкие оконные решётки пролезали маленькие букашки. Одна из них, по неосторожности, упала на Танино плечо и принялась её щекотать, перебегая с одного края кожи на другой. Точного времени девочки не знали, но им казалось, что спали они уже целую вечность. Сегодня у них был ответственный день. По приказу Зинаиды Ивановны и её давнего приятеля Тихона Алексеевича, который является майором четвёртого полка, девочки-медсёстры вместе с ним направляются в лес, находящийся рядом с берегом реки Волга. По расчётам майора, именно той дорогой будет направляться немецкий отряд разведчиков, который его солдаты должны обезоружить. Врачебная помощь будет как никогда кстати, именно поэтому все до одной девчонки, проснувшись, стали собирать свои медицинские сумки, наполняя их как можно большим количеством бинтов, ваты и спирта.

— Итак, дамы, вы готовы к сегодняшней схватке? Стиснуть зубы и вперёд, готовность номер один!

Картаво произнесла Шура и перевязала свою руку куском

ткани с изображением красного креста.

— Всегда готовы!

Хором ответили девочки. В их голосах была слышна дрожь, а одновременно с ней храбрость и отвага. Им предстояла дальняя пешая дорога, ведь тот самый берег Волги, к которому они направлялись, находился в десяти километрах от заброшенного склада, где они сегодня ночевали. Чем ближе они подходили к месту, тем больший страх начинал их одолевать. Боязнь того, что сегодня на их собственных глазах, кто-нибудь погибнет, не давала им покоя. Мысли об душераздирающем зрелище наводили на них тоску, и юные красавицы постепенно утрачивали свой боевой дух. Тихон Алексеевич, вместе со своим полком, шёл впереди. Все их разговоры начинались и заканчивались одним и тем же — жаждой одолеть врага. Среди молодых парней и мужчин, идущих впереди, были те, кто желал отомстить фашистам за разрушенные дома, сожжённые сёла и унесённые жизни. В их глазах читалась ненависть к озверевшим людям, они проверяли заряд своих автоматов и готовились к кровавому бою. Находились же и те, кто выражал сострадание к немцам. Таких солдат были совсем единицы. Их отнятую юность превратили в каждодневное сражение за собственное существование. Они понимали, что воевать — не собственное желание, а долг, который они обязаны были выполнять. Такая участь настигла и многих немецких солдат, ведь их наступление на СССР было далеко недобровольным делом. Возгла-

сы идущих не умолкали. Таня шла позади остальных девочек и вспоминала, как впервые перевязывала ногу раненному солдату. Это было вблизи посёлка Мирное, дома которого, давным-давно опустели. Страх распрощаться с жизнью превратился в бегство для многих жителей. А однажды Таня и сама лицом к лицу встретилась с опасностью. Вбегая в старый сарай и прячась в нём от фашистов, Таня подвернула ногу и упала на землю. Боль была настолько сильной и пронзительной, что девочка не могла подняться. Она слышала немецкую речь, приближающихся к местности солдат. Паника охватила её, слёзы так и наворачивались на глаза. Нет, она совершенно не боялась того, что её сейчас же прикончат, Тане было досадно лишь оттого, что она так многим ещё не успела помочь. К её счастью, немцы прошли другой тропинкой и не один из них не заметил, лежащую в траве Таню. С того момента она решила, что судьба дала ей шанс – помочь всем тем, кто в этом нуждается и дожидаться окончания войны, которого все с нетерпением ждали. Вспоминая свои фронтовые истории, никто не заметил, как пролетело время и отряд русских смельчаков уже подошёл к нужному им месту.

– А теперь нам необходимо разделиться. Человек по десять, думаю.

Началась суета. Тихон Алексеевич чётко умел отдавать приказы и все беспрекословно его слушали. Сестринская дружина забрела в лес и приготовилась ждать своего черёда.

Прошло около трёх часов. Всё это время Таня вместе с другими девочками сидела в засаде и ждала, когда кому-либо будет необходима её помощь. Полк расположился неподалёку от них – у самого входа в лес, за небольшой земляной горкой. Там солдаты лежали во всеоружии и с полной готовностью ждали врага. Враги, в лице немцев, двигались прямо по курсу. Через считанные минуты они приблизились к горке, за которой прятались русские солдаты.

– Вперёд!

Во весь голос закричал Тихон Алексеевич, и со всех сторон повыскакивали солдаты. В руках были автоматы, которые одновременно нацеливались на фашистов.

– Russian! Feuer! (Русские! Огонь!)

От полной неожиданности немецкий отряд был повергнут в шок. Достав своё оружие, они попытались спастись. В ту же секунду началась перестрелка. Разобрать что-то из дальнего конца леса было очень сложно, однако девочки умудрялись сделать и это. Один из немцев применил тактику боевого взрыва, кинул маленькую круглую гранату в руки одному из русских. Его разорвало моментально. Первой жертвой пал двадцатилетний солдат Егор Еремеев, сын полковника Фёдора Еремеева, который возлагал на него большие надежды. Другие же совершенно не пострадали от мелкого взрыва, однако сама техника заключалась в сильном туманном дыме, который распространялся по всей территории леса. Его плену увидели даже девочки, находившиеся относительно

далеко. Выиграв немного времени, благодаря едкому туману, немцы разбрелись по сторонам. Спрятавшись по разные стороны, они выжидали момента, когда полноправно перейдут из защиты в наступление. Страшными отголосками доносились крики солдат и взрывы. Эхо усиливало устрашающий эффект. Начиналась великая битва на Волге. Время тянулось, непередаваемо, медленно и каждая минута казалась целой вечностью. Рядом с огромной, чистой рекой валялись автоматы, отцовские ружья и дымовые шашки. Виднелся неописуемый закат, на фоне которого продолжалась война. Раненных было много. Стоны доносились с разных сторон, находились и те, кого спасти уже не было смысла. Девочки разделились на маленькие группы. По двое, они несли на себе тяжёлые тела и прятали их в неглубокие ямы. Таня и Шура побежали в правую сторону, на зов знакомых голосов. Среди сваленных деревьев лежал командир Мирягин и его помощник Стёпка. Лицо у Мирягина было окровавлено. Он лежал, запутавшись в сломленных ветках, а его тонкие губы по-прежнему, что-то шептали.

– Негодяи! Безбожники! Давай, Тихон – стреляй... Стреляй!

Таня подбежала к нему и принялась тщательно его осматривать. Она щупала его ноги, с целью понять, где именно они у него болят. Придя к выводу, что у командира повреждены суставы, Таня принялась перевязывать его колени тугой тряпкой. Лицо она промазала йодом, чтобы быстрее за-

лечить ссадины.

- Потерпите, Николай Иванович, ещё совсем чуть-чуть.
- Ой, Танечка, погубят они нас, ой погубят!
- Сейчас я обработаю царапины спиртом и всё будет хорошо.

Таня успокаивала Мирягина, как могла. Она конечно же понимала всю горечь пожилого солдата, ведь он как никто другой знал, что воевать – дело нелёгкое. На некоторое время выстрелы пулемётчиков прекратились, и Таня вздохнула с облегчением, подумавши, что всё закончилось, однако затишье было недолгим, и уже через какие-то пять минут раздался выстрел автомата, а вместе с ним громкий вопль Шуры.

- Таня, Таня, сюда!

Бросив несчастного Николая Ивановича, Таня подскочила с коленок и побежала к Шуře, которая в паре метров от неё перевязывала Стёпку.

- Он бездыханный, Таня.

В глазах Шуры читался ужас. Руки её дрожали, а взгляд был устремлён на лежащего рядом парня, в которого явно стреляли.

- Что с ним случилось?

– Он был ранен, и я пыталась ему помочь, но пуля по-видимому была слишком глубокой.

Чувства переполняли обеих девочек. На глазах виднелись, наворачивающиеся слёзы. Шмыгая носом, Таня и Шу-

ра подняли Стёпку с земли и потащили в сторону высоких кустов.

– Кладём его здесь. И пусть никто его не тревожит.

Смотря куда-то вдаль, с дрожью в голосе, проговорила Таня.

– Хорошо! Только не говори пока Мирягину, ведь Стёпка был для него, как сын.

Одновременно девочки перевели свой взгляд на Николая Ивановича, который прикрыв глаза, стонал неподалёку от них.

– Прощай, Стёпка. Мы будем помнить тебя всегда.

Подложив под его голову фуражку, Шура и Таня принялись закрывать тело сухими ветками. Закончив прощание с товарищем по службе и вытерев свои женские слёзы, девочки стали выходить из леса, прихватив с собой Мирягина, временно, потерявшего рассудок. Долгое время шли они через тернистые ветви, таща на себе слегка полноватого, пожилого мужчину. Идя по узкой тропинке, в тени высоких деревьев, раздался хриплый стон, который они услышали.

– Остановись, Шур! Кто это там, в кустах?

– Не знаю. Я возвращаться назад не собираюсь и тебе не советую.

– А вдруг кто из наших? Помочь ведь надо.

– Всем помочь ты всё равно не сможешь. Тащи давай.

– Нет, я так не могу! Иди вперёд, а я догоню тебя.

– Как знаешь!

Пошептавшись немного и разойдясь во мнениях, девочки пошли в разные стороны. Замученная Шура в испачканном халате, продолжала нести на себе командира, а Таня осторожными шагами вернулась вглубь леса и стала идти на стон. С каждым шагом ей самой становилось всё страшнее и страшнее, однако назад дороги не было. Её длинные тёмные волосы путались между собой, сумка цеплялась за колючки, а ноги были исцарапаны ветками. Она не сдавалась и продолжала пробираться сквозь деревья, раздвинув последние ветви, она обнаружила парня лежащего в тени дерева. На его светлой коже были видны тёмно-бордовые пятна, запёкшейся крови. Он придерживал свою голову ладонями, при этом часто моргал своими большими глазами и его длинные ресницы в быстром темпе касались лица. Дыхание его было тяжёлым и прерывистым. Весь его внешний вид указывал на то, что он сильно пострадал во время военных действий. Танино сердце сжималось от волнения, ей безусловно хотелось ему помочь, однако её напугало то, в чём был одет молодой юноша. Его обмундирование и экипировка была точно такой же, как и у немецких солдат. У Тани была всего секунда на раздумье, чтобы помочь ему или бросить его.

– Не стреляй, пожалуйста! Я хочу помочь тебе.

Испуганно произнесла Таня и подошла к юноше. Он открыл свои большие глаза и с таким же испугом взглянул на Таню.

– Nicht bewegen. Du bist russisch. Ich brauche nicht Ihre

Нилфе. (Не двигайся. Ты же русская. Я не нуждаюсь в твоей помощи.)

Таня ничего не поняла из грубой немецкой речи, однако по выражению лица солдата, сделала вывод, что зря подошла к нему. Её охватил страх того, что немец убьёт её и она изо всех сил принялась возвращаться назад. В Таниной голове крутилась мысль лишь о том, что раненный солдат вряд ли сможет разделаться с ней, ведь ему самому необходима медицинская помощь. Её мысли прервал неожиданный голос сзади, всё тот же хриплый, но такой приятный.

– Стой! Вернись пожалуйста.

Таниному удивлению не было предела. Она не ожидала услышать русскую речь из уст этого юноши, который являлся немцем. С осторожностью и учащённым дыханием, она развернулась и подошла к нему.

– Ты говоришь по-русски?

– Я коренной немец, прожил всю жизнь в Касселе, однако моя мать русская, поэтому я с детства знал два языка.

Этот хриплый юный голос, произнёс, казалось бы, обычные слова, но они так запали в Танину душу, что она перестала бояться своего нового знакомого.

– Я – Таня Иванченко, медсестра из Московской дружины. Покажи мне свои руки.

Молодой солдат и сам с первых секунд поверил Тане и вытянул перед ней искалеченные руки. Таня сразу же достала из своей сумки спирт и бинты, и принялась обрабатывать

раны.

– Меня зовут Эрих Ремер. Из-за вашей армии я мог остаться без руки.

На светлом лице Эриха появилась лёгкая игривая улыбка. Взгляд голубых глаз пронзал Таню насквозь, и она еле сдерживалась, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Ты хорошо говоришь по-русски. Даже шутить умеешь.

– Конечно хорошо, ведь в детстве мама всегда, в тайне от отца, говорила со мной на русском. Я унаследовал и её чувство юмора.

Тане вновь захотелось засмеяться, ведь Эрих казался ей таким близким человеком, на время она даже забыла о том, что перевязывает руку собственному врагу.

– У нас не принято помогать врагам.

– У нас тоже. Наша задача уничтожить всех русских, не оставляя им ни малейшего шанса на победу, но ты ведь станешь исключением, правда, Таня?

– Я? Исключением? Ты наверно забыл, что на дворе война. Ты знаешь сколько наших погибло?

– А наших думаешь меньше?

– Ты жестокий, если убиваешь невинных людей.

– У меня не было выбора. С призывниками в Германии разговор короткий.

Сладкая улыбка белоснежных зубов, на лице Эриха, сменилась на серьёзность. Его тон стал более грубым, он дёрнулся, как ошпаренный и вырвал свои руки из нежных Таниных.

Она и сама сменила милость на гнев. Ей казалось, что Эрих вот-вот достанет из сумки оружие и пристрелит её, однако он не спешил этого делать.

– Почему ты не убиваешь меня?

Решительно спросила Таня.

– Ты ждёшь этого? Я не стану поступать так со своей спасительницей.

– Спасительницей? Я не спасала тебя.

– Ты ошибаешься. Я мог умереть здесь от потери крови, но твоя умелая перевязка предотвратила это.

Танино сердце вновь оттаяло. До сегодняшнего дня, она и подумать не могла, что будет лично знакома с человеком, который находится по ту сторону баррикады. И хотя Таня даже не догадывалась о том, что товарищи по службе называли Эриха «безжалостным и хладнокровным», ей определённо казалось, что он хороший человек. Её женское чутьё подсказывало, что этот парень добрый и отзывчивый. Его выдавала улыбка, такая искренняя и нежная. Тане было безумно любопытно, о чём же сейчас думает этот удивительный парень, которого она уже совсем перестала бояться. Эрих смотрел в её карие глаза и видел своё отражение. Таких красивых девушек, как Таня, в Германии просто не существовало. Его завораживала манера её общения и ему не хотелось, чтобы секунды, проведённые с ней, когда-нибудь заканчивались.

Темнело. Звуки выстрелов были прекращены, но это не давало право думать, что война окончена. Кровавая вода

Волги бурлила. Число жертв было огромным. Один день казался солдатам целой вечностью. Таня и Эрих находились в полной растерянности, ведь выходить из леса было опасно, особенно вдвоём.

– Ты понимаешь, что нас не должны видеть вместе? Мы оба можем пострадать.

– Ты хочешь бросить меня здесь одного?

– Нет, Эрих, я не хочу тебя бросать. Я просто не знаю куда нам сейчас идти.

– Давай останемся здесь до рассвета, а рано утром побегим в наши лагерь. Кстати, где расположен ваш лагерь?

Таня громко засмеялась и её вновь охватил приступ испуга. Она не могла доверять Эриху, поскольку он был немцем, и плевать на то, что он понимал её с полуслова.

– Ты шутишь? Я не скажу тебе где находится наш лагерь. Почему я должна тебе верить?

– Ты боишься, что я обману тебя и мы с отрядом нападём на вас завтра?

– Даже так. Я не могу верить тебе. Прости.

– Чем я могу доказать тебе то, что не наврежу ни тебе, ни твоим товарищам?

– Не знаю, забудь! Давай просто насладимся тишиной.

– Давай.

Лёгкая прохлада колыхала ветви деревьев, из-за этого создавался лёгкий лесной шум. Сквозь верхушки деревьев виднелось звёздное небо. Таня и Эрих лежали рядом, смот-

рели ввысь и каждый из них думал о чём-то своём.

– Meine Eltern lieben die Sterne. (Мои родители любят звёзды)

Таня улыбнулась и взглянула на лежащего рядом Эриха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.